

В исследовании дела об изъятии церковных ценностей рано ставить точку

В уходящем 2022 году Русская Церковь пыталась осмыслить начавшуюся сто лет назад кампанию по изъятию церковных ценностей, изучая архивные документы, анализируя трагические события двадцатых годов прошлого века, организуя научные конференции, публикуя результаты исследований. На эту тему в «Журнале Московской Патриархии» был напечатан ряд статей, в том числе священника **Сергия Иванова**, кандидата богословия, научного сотрудника Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви богословского факультета ПСТГУ. В первой половине 2023 года выйдет его книга «Святой Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году». «Журнал Московской Патриархии» встретился с автором и задал ему несколько вопросов о готовящейся к выходу монографии и ставшей ее темой богоборческой кампании двадцатых годов XX столетия.

— *Отец Сергей, как долго вы собирали материал для книги?*

— Название готовящегося к печати издания почти совпадает с названием моей кандидатской диссертации, защищенной в 2017 году. Появление этой темы в сфере моих научных интересов связано со специализацией на кафедре истории Русской Православной Церкви богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и защитой дипломной работы «Св. Патриарх Тихон и обновленческий раскол» в 2010 году. Дело в том, что раскол в Церкви был организован большевиками по критерию лояльности в исполнении декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) об изъятии церковных ценностей, поэтому мужественная защита святынь мирянами и духовенством во главе со святителем Тихоном должна была стать предметом отдельного исследования. Так появилась моя диссертация. В общей сложности на нее ушло не менее тринадцати лет, было изучено 160 дел из шести государственных архивов. Приходилось держать в руках нестандартной формы фолианты со следами архивной пыли, если не сажи, которых не видел ни один читатель. Архивный материал оказался настолько интересным, что более трети объема монографии занимают приложения с выявленными источниками.

— *Какими новыми историческими фактами вы делитесь с читателями? Какой свет они проливают на кампанию по изъятию церковных ценностей в 1922 году?*

— Начну с предыстории. Тридцать лет назад, после того как в нашей стране стал возможным доступ к закрытым прежде архивам, исследования развернулись по целому ряду направлений. Специалистам интересны были истинные цели антирелигиозной политики Политбюро Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) (ЦК РКП(б)) в 1922 году, масштаб репрессий против Русской Церкви, объем и стоимость ценностей, полученных в результате изъятия и сосредоточения их в центре, роль Госполитуправления Народного комиссариата внутренних дел в организации изъятия, а затем раскола церковного общества, адекватность канонической основы позиции Патриарха, особенности процесса изъятия цен-

ностей в Москве и губерниях и др. Если совсем кратко обозначить итоги проделанной работы, историками было документально доказано следующее: лозунг помощи голодающим был прикрытием секретной кампании по сосредоточению национализированных богатств страны в госучреждении, ответственном за хранение драгоценных камней, золота, металла (Гохране). Операция сопровождалась идеологической агрессией против духовного центра нации. Волнения прошли в большинстве губерний, итоги изъятия церковных ценностей оказались плачевными, то есть их стоимость не составила и одного процента от стоимости драгоценностей Императорского дома, учтенных в той же кампании. Наиболее ценным для церковно-исторической науки стало обоснование церковными историками причины воздержания святителя Тихона от необходимых, но невозможных

Высокая ценность уничтоженных большевиками произведений церковного искусства связана с их принадлежностью к исторической культурной традиции, определяющей национальную идентификацию и самобытность, мировоззрение, нравственные нормы и творческую силу русского народа.

ссылок на Московский Собор 1917–1918 годов в февральском послании, направленном против антицерковного декрета ВЦИК: они привели бы к дополнительным нападкам на постановление «контрреволюционного» Собора и новым обвинениям верующих. Для решения весьма острого вопроса о направлениях реализации отобранного у Церкви имущества исследователям не хватило необходимых источников, и они вынуждены были ограничиться предположениями. В том числе гипотезами о поддержке Интернационала с целью разжигания мировой революции, оплате заграничных заказов на паровозы, чеканке монеты в период проведения денежной реформы и др. Самым распространенным в научной среде оказалось мнение новосибирского историка академика Николая Николаевича Покровского, что

Сортировка ценностей в Гохране. Фото 1920-х гг. (слева)

Перед уничтожением с церковного имущества снимались драгоценные украшения. Фото 1920-х гг.

стоимость изъятого церковного имущества составила более 4,6 млн золотых рублей и соответствовала затратам на его изъятие, то есть ценности пошли на организацию кампании по ограблению и разгрому Русской Церкви. При этом в научном обороте продолжала использоваться и другая оценка стоимости изъятого из отчетности Центральной комиссии при ВЦИК по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) — в 6,5 млн золотых рублей; автор же самой высокой оценки в 15,5 млн золотых рублей — волгоградский ученый Михаил Юрьевич Крапивин — позднее стал опираться на данные Покровского. Так или иначе, не только в историческом сообществе, но и за его пределами почти всеобщим стало убеждение в полной ясности итогов изъятия и реализации ценностей. С этим убеждением, а вернее предубеждением, мне пришлось сталкиваться не раз, в том числе на конференциях, круглых столах и т. п.

Итак, что же сегодня следует подвергнуть пересмотру в теме изъятия церковных ценностей? Во-первых, общие цифры по стоимости изъятого из действующих церквей в 1922 году. Нужно иметь в виду, что драгоценности учитывались на счетах трех организаций при ВЦИК — Центрального комитета помощи голодающим (ЦК Помгол), ЦК Последгол и Особой секции Комитета содействия сельскому хозяйству — до конца 1925 года. Их публичная

стоимость составила 7 574 162 золотых рубля. С учетом последнего, не вошедшего в ликвидационный баланс перечисления за остатки ценностей в начале 1926 года, она достигает 7 582 068 золотых рублей. Кроме того, в Народном комиссариате финансов (Наркомфине) имела место внутриведомственная секретная отчетность, согласно которой те же ценности оценивались по довоенному курсу: на 1 декабря 1922 года их стоимость составила 10,7 млн рублей, на 1 марта 1924 года — 15,2 млн рублей и к концу отчетного периода — около 16,6 млн золотых рублей без учета стоимости драгоценностей из закрытых храмов и монастырей. Эти данные соответствуют и оценкам архиепископа Илариона (Троицкого), определившего стоимость изъятого в размере не более 20 млн золотых рублей, и организатора ограбления Русской Церкви председателя Революционно-военного совета (Реввоенсовета) Республики Л. Д. Троцкого, оценившего ее в диапазоне 15–20 млн золотых рублей.

Во-вторых, необходимо внимательно изучить направления реализации ценностей. В свете новых источников из фонда Наркомфина в Российском государственном архиве экономики и фонда Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) в Государственном архиве Российской Федерации строгое научное обоснование получило утверждение о расходе основной массы церковных ценностей на реформу денежного обращения 1922–1924 годов. Из указанной нами стоимости ценностей в размере 7 582 068 золотых рублей 7 194 784 рубля были перечислены Наркомфином, из них 6 177 596 рублей — за 27 590 пудов серебра, это 86 % от общей суммы. Серебро ушло на Монетный двор для чеканки монеты, первая партия — в августе 1922 года. Другие части церковного имущества были распроданы в 1923–1926 годах, ценные в художественном отношении вещи остались в музеях. Эти представления подтверждают и воспоминания уехавшего из СССР заместителя начальника валютного управления Наркомфина М. Я. Лазерсона, изложенные в изданной в 1930 году во Франции книге «На советской службе: Записки спеца».

В-третьих, нуждается в пересмотре и официальная отчетность Центральной комиссии

помощи голодающим при ВЦИК, согласно которой церковные ценности были будто бы потрачены на голодающих. Как большевикам удалось выдать отправку серебра на Монетный двор за обещанную агитацией реализацию ценностей на хлеб для голодных? Это, можно сказать, скандальная история, и чтобы корректно описать ее, потребовалось внимание к неявным деталям проведенной операции. До сих пор исследователям было неизвестно, что помгольцы всеми силами пытались заполучить от государства 10 млн золотых рублей в счет церковных ценностей для закупки заграничного хлеба, но им было в этом отказано Финансовым комитетом Совета народных комиссаров. Потом просили 5 млн рублей, потом 500 тысяч — и всегда получали отказ. Почему такие просьбы поступали? Потому что успеть собрать ценности по всей стране, отправить в Петроград на Монетный двор, переплавить в слитки, закупить на них хлеб за границей и развезти по бедствующим губерниям, как обещала агитация, до наступления нового урожая было невозможно. Впрочем, власти таких планов и не имели. Оставалось авансирование, на него надеялась Центральная комиссия Помгол, постановившая все средства, полученные от реализации церковных ценностей, тратить исключительно на закупку хлеба. Надеялась напрасно. Чтобы прикрыть аферу с церковными ценностями аргументом, направленным против «преступных заявлений» и сомнений верующих, Троцкий согласовал с Политбюро ЦК РКП(б) покупку продовольствия на «демонстрационный» миллион золотых рублей в счет будущей реализации, из них 800 тысяч рублей ушли на закупку 305 тысяч пудов финской муки, по 100 тысяч рублей отдали Крыму и Ставропольской губернии. Это капля в море с учетом того, что дефицит голодающих районов составлял 180 млн пудов продовольствия. Остальные авансы были выданы за саму реализацию, то есть покупателем церковных ценностей оказались не заграничные банкиры, как обещали агитаторы Троцкого, а само государство. Авансы перечисляли в советских дензнаках, на которые заграничный хлеб купить было нельзя, что и отразили отчеты ЦК Помгол.

Однако голодающих оставили без хлеба не только в результате подложной «реализации»

церковных ценностей. В процессе работы с архивными документами удалось прояснить смысл и последствия другой истории — резервирования драгметаллов золотого фонда на сумму 150 млн золотых рублей в начале февраля 1922 года. Данный факт историкам был известен, но подавался как вынужденная мера Политбюро в расчете на непредвиденные обстоятельства 1923 года. На самом деле обстоятельства касались обеспечения денежной реформы, и драгоценные металлы самым секретным образом были заморожены под обеспечение выпуска новых бумажных денег. Их не отдали голодающим, а что было потом, мы знаем. В конце 1922 года Наркомат продовольствия опубликовал официальный отчет о своей работе с выводом, что больше всего погибло людей от голода именно в марте. При этом конец марта — это разгар агитации за изъятие церковных ценностей с криками о пустой казне государства.

Более пяти миллионов голодающих погибли из-за идеологических предрассудков большевистской власти, приоритетности задач финансового «фронта» по отношению к спасению голодных людей и бюрократических просчетов в организации борьбы с голодом.

— *Вы много работали в архивах. Насколько изучены документы по изъятию? Все ли они доступны для специалистов?*

— В целом необходимые для исследователей кампании по изъятию церковных ценностей архивные источники доступны, много документов издано. Однако там, где кампания пересекается с другими темами, открыто пока не все. Насколько я помню, еще в 1997 году Н. Покровский и С. Петров — составители сборника документов «Архивы Кремля: Политбюро и Церковь» — отмечали, что архивное дело о голоде 1921–1922 годов им было недоступно. Досадно и то, что в некоторых случаях доступ к ранее рассекреченным документам позднее становится невозможным. Например, некоторые из архивных дел Российского государственного

Церковные ценности, выставленные на продажу. Фото 1920-х гг.

архива социально-политической истории, которые использовались в работе О. Васильевой и П. Кнышевского — авторов книги об изъятии ценностей «Красные конкистадоры», увидевшей свет в 1994 году, сегодня получить уже нельзя, и другим исследователям приходится теперь опираться на ссылки из чужих работ, которые невозможно проверить. Что касается степени изученности документов по изъятию, по-прежнему требуют дальнейшего уточнения следующие вопросы: количество репрессированных за защиту святынь верующих, удельный вес евхаристических сосудов в общей массе церковных ценностей, а также степень стихийного народного сопротивления антицерковному декрету ВЦИК. И конечно, не хватает глубокой аналитики сводной картины произошедшего в 1922 году. Она есть, но фрагментарна, растянута по времени и ограничена вводимыми периодически в научный оборот сборниками тех или иных документов.

— Можно ли сегодня точно сказать, какова историческая и культурная ценность уничтоженных церковных предметов?

— Это весьма важный вопрос. Декретом ВЦИК от 27 декабря 1921 года, инициированным Главным комитетом по делам музеев

и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения (Главмузеем), церковное имущество было поделено на три категории, одна из которых включала предметы историко-художественного значения и предназначалась для музеев. Патриарх Тихон в мартовском интервью «Известиям ВЦИК» подчеркнул, что в храмах немало утвари, имеющей историческое и художественное значение, и комиссии по изъятию ценностей надо бы учесть это обстоятельство, чтобы такого рода предметы были сохранены в общественных собраниях. Главмузей, пытаясь отстоять собственные интересы, предполагал взять под свою охрану не только древние церкви, но и более ста известных монастырей, превратив их в музейные комплексы, однако сразу возник конфликт интересов. Представители местных органов власти сообщали Троцкому о препятствиях в деле изъятия со стороны экспертов Главмузея и уже в конце марта просили урезать полномочия последних. В конфликте Гохрана и Главмузея победил Гохран. Целая группа музейных специалистов пошла под суд за сопротивление изъятию, а новая комиссия под руководством заместителя Троцкого Г. Д. Базилевича осенью 1922 года произвела

дополнительные изъятия в Троице-Сергиевой лавре, Новодевичьем монастыре и других обителях. В архивных документах присутствуют следы борьбы соотечественников за сохранение исторического наследия России. Например, циркуляром Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 27 марта 1922 года запрещалась любая порча ценностей, то есть сгибание риз, сплющивание сосудов и т. п., вплоть до привлечения виновных к ответственности. Однако после того, как зампред Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей А. Г. Белобородов разъяснил руководству РКИ, что изъятое все равно пойдет на сплав, данное требование циркуляра было отменено. В материалах Реввоенсовета сохранились письма известного искусствоведа профессора В. Я. Курбатова с критикой ликвидации и возможных заграничных продаж церковных ценностей. Результат от реализации будет ничтожный, считал ученый, потому что низкопробного серебра, дешевого жемчуга и драгоценных камней с трещинами на Западе самим девать некуда, между тем в результате небрежного изъятия предсказуемо будут навсегда потеряны образцы великого народного творчества. Несмотря на поддержку позиции Курбатова со стороны Народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, его усилия не имели

успеха. Историкам известна записка члена Политбюро, руководителя Моссовета Л. Б. Каменева по этому вопросу на имя Троцкого: «Надо научить товарища Луначарского не путаться в дела, ему не порученные». В Гохране также имели место попытки заместителя начальника валютного управления Наркомфина М. Я. Лазерсона сохранить от уничтожения старинные церковные книги в художественных серебряных окладах, иконы в жемчужных ризах, потиры с эмалевыми медальонами и другие ценные предметы. Дело было уже в 1923–1924 годах. Лазерсон тщетно пытался объяснить начальнику Гохрана П. М. Никифорову, что все русское искусство раннего времени развивалось под влиянием христианства, и ликвидация церковной утвари XVII–XVIII веков недопустима с любой, даже бюджетной, точки зрения. В целом можно констатировать, что высокая ценность уничтоженных большевиками произведений церковного искусства связана с их принадлежностью к нашим корням, то есть исторической культурной традиции, определяющей национальную идентификацию и самобытность, мировоззрение, нравственные нормы и творческую силу русского народа. При этом, конечно, будем помнить, что не любая традиция ценна сама по себе, — именно у русских традиция имеет истоком истину,

Разбитые колокола Троице-Сергиевой лавры. Фото из архива М. М. Пришвина 1929–1930 гг.

поскольку обязана своим формированием крещению 988 года. Поэтому первый русский писатель являлся митрополитом, первые русские школы были церковно-приходскими, а первые русские историки — монахами. Еще важнее, что наглым нападением на евхаристические сосуды, всенародно чтимые иконы и другие святыни русских людей большевики нанесли оскорбление православной вере нашего народа, его служению и почитанию Бога. Никакие обещания их ложной иноземной теории светлого коммунистического будущего с его материальным изобилием не могут затушевать очевидного факта, что элита РКП(б) являлась богоборческой и вела народ в ад. Из этого факта и следует исходить в оценке ее злодеяний в 1922 году.

Документы, находящиеся в архивах, позволяют осознать небывалый уровень угроз Православию в 1922 году.

— Эта антирелигиозная кампания дала ход обновленческому движению в Церкви. Вы изучали протоколы о работе секретной комиссии Троцкого по расколу Русской Церкви. Расскажите об их содержании.

— Комиссия, о которой вы упомянули, — одна из четырех, связанных между собой единой нумерацией протоколов и председательством Троцкого. То есть даже на обложке архивного дела она именуется Комиссией по учету и сосредоточению ценностей; в действительности их четыре, у них разные задачи, состав и наименования. Впервые весь комплекс протоколов этих комиссий будет опубликован в готовящейся к выходу книге. Так вот, четвертая из них, «комиссия по ценностям», занималась только расколом Русской Церкви. Кстати, протоколы ее заседаний опубликованы летом этого года в 107-м номере «Вестника ПСТГУ» и находятся в открытом доступе. Надо пояснить, что до сих пор в научной среде можно встретиться с мнением, что Троцкий, закончив в мае основную работу по сосредоточению ценностей страны в центре, переключился на их реализацию, поскольку церковная проблема будто бы была для него второстепенной и связанной лишь с проблемами финансирования армии. Это не так. На сегодняшний день ясно: после подго-

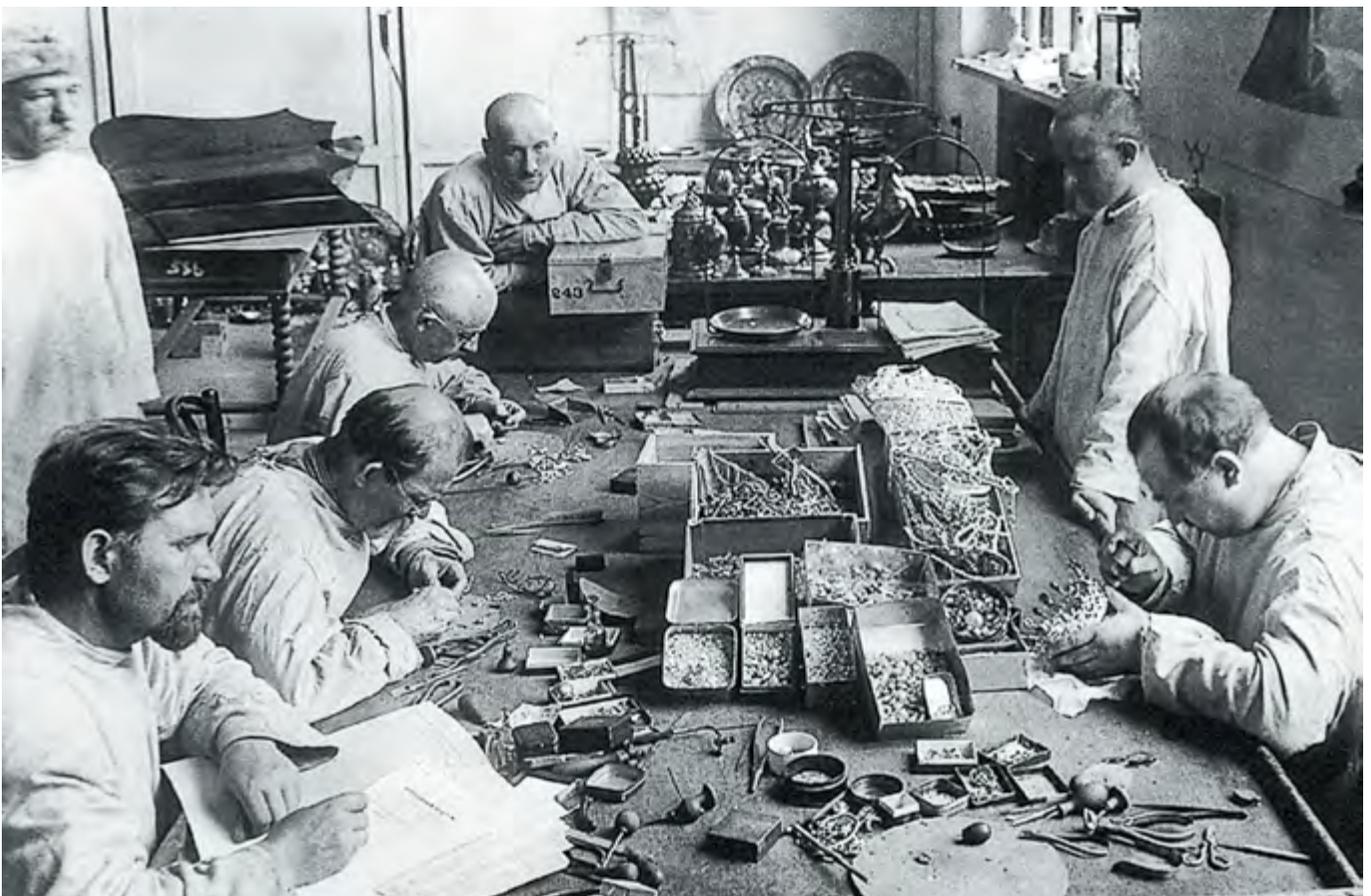
товленной Троцким в конце марта программы по разгрому Православной Церкви он же лично и взялся за воплощение своих замыслов в специально организованной им для этого комиссии. Антихристианские цели председателя Реввоенсовета, очевидно, были для него не менее важными, чем задачи по укреплению Рабоче-крестьянской Красной армии. Что касается содержания протоколов, в них отразилась подготовка членами комиссии публично-го выступления оппозиционного духовенства, переворота в Высшем Церковном Управлении, выпуск обновленческого журнала «Живая Церковь», репрессии против духовенства, включая приговоры по московскому и петроградскому процессам, решения, касающиеся созыва нового «поместного собора», а также другие чрезвычайные события церковной жизни этого периода. Не менее важны и сопутствующие архивные документы, связанные с деятельностью комиссии, то есть переписка, ведомости, справки об исполнении, доклады и т. п. Из них мы дополнительно узнали, что лидеры обновленцев, включая епископа Антонина (Грановского), в мае 1922 года получили в Кремле денежное вознаграждение за работу по изъятию церковных ценностей, что представитель Константинопольского Патриарха в Москве предложил раскольникам платные услуги по организации общецерковного суда и низложения Предстоятеля Русской Православной Церкви, что члены комиссии Троцкого использовали возможность помилования части осужденного на расстрел московского духовенства по приговору от 8 мая 1922 года как средство для контроля и управления обновленцами в нужном им разрушительном русле. Используя приговоренных к высшей мере наказания как заложников, писал Троцкому его помощник, бывший священник Михаил Галкин (Горев), мы сможем за неделю сделать то, на что при других обстоятельствах потребовались бы месяцы. Все эти документы позволяют осознать небывалый уровень угроз Православию в 1922 году.

— Вы нашли архивные подтверждения о погибших от голода 5 млн человек. Главный вывод, который вы делаете в своей исследовательской работе, — изъятие церковных ценностей не могло помочь голодающим. Как вы обосновываете свою точку зрения?

— Такой вывод был сделан некоторыми историками еще до моих исследований, но без опровержений и разъяснений оставались и до сих пор популярные взгляды других ученых, убежденных, что средства, вырученные от продажи ценностей, все же были потрачены на голодающих, и уже отмеченная отчетность ЦК Помгол с тем же выводом. Имея в виду противоречивые точки зрения в этом вопросе, вдумчивые ученые, например новгородский историк М. Н. Петров, проявляли обоснованную сдержанность, считая, что в исследовании судьбы изъятых у Церкви ценностей рано ставить точку. А сегодня мы уже можем эту отчетливую точку поставить на основании рассекреченных документов Гохрана, Монетного двора, Московского ювелирного товарищества и других советских учреждений. Добавлю, что это лишь один из главных выводов проведенного исследования, основной же результат затраченных усилий касается заключения о безупречной позиции святого Патриарха Тихона, оболганного, как и многие верные Церкви архиереи, советской властью.

В отношении количества погибших от голода соотечественников большинство ученых справедливо ссылается на статью о голоде из 17-го тома Большой советской энциклопедии, согласно которой в 1921–1922 годах голодало не менее 40 млн человек, а умерло от голода и его последствий около 5 млн человек. Заметим, что таких больших цифр мы не найдем в отчетности ни ЦК Помгол, ни ЦК Последгол. Основой указанных представлений являлись публичные данные Центрального статистического управления СССР о динамике населения в 1920–1922 годах. Согласно этим сведениям, демографический провал в результате голода с учетом временного понижения рождаемости и повышения смертности составил 5 млн 53 тыс. человек. Эти сведения подтвердил в 1925 году бывший в период голода заведующим Отделом статистики Народного комиссариата здравоохранения РСФСР П. А. Кувшинников. В фонде Представительства правительства РСФСР и Украинской ССР при всех заграничных организациях помощи голодающим России 1921–1923 годов в Государственном архиве

*Сортировка
изъятых церковных
ценностей
в Гохране. Фото
1920-х гг.*

Российской Федерации сохранились сведения статистического отдела этой организации об убыли населения за период с 1920 по 1922 год в двадцати пяти пострадавших республиках (включая Украину) и губерниях. По этим данным население уменьшилось на 5 707 971 человека, или 15 %.

Можно ли было их спасти? Большую часть погибших — безусловно. Как минимум имелось три варианта, и все без существенного ущерба для советской власти. Первый заключался в ином распределении 150-миллионного золотого фонда, который в основной части следова-

Лозунг помощи голодающим был прикрытием секретной кампании по сосредоточению национализированных богатств страны в Гохране, операция по изъятию ценностей сопровождалась идеологической агрессией против духовного центра нации.

ло своевременно, с лета 1921 года, потратить на заграничное продовольствие. То, что его полностью зарезервировали под реформу, дало незначительный эффект. Дело в том, что Госбанк, которому в октябре 1922 года предоставили право на выпуск банкнот-червонцев, обязали заняться накоплением собственного золотого фонда для стандартного 25-процентного обеспечения эмиссии. И банк уже к концу 1923 года смог собрать на рынке в качестве обеспечения драгметаллы и инвалюту на 104,5 млн золотых

рублей при общем объеме его золотовалютных резервов в 194,6 млн рублей. При этом восполнить затраты на голодающих из золотого фонда можно было за счет скупки монеты царского чекана, поскольку на руках у населения имелось до 35 млн рублей банкового и 100 млн разменного серебра. Требовалось изменить валютное законодательство; его поменяли, но для умирающих от голода это было слишком поздно.

Второй вариант касается общественной и церковной помощи внутри России, развернувшейся было летом 1921 года. Как только большевикам стало ясно, что иностранная помощь в лице откликнувшейся на голодное бедствие Американской администрации помощи будет оказана, общественный Всероссийский комитет помощи голодающим и церковные комитеты Помгол были запрещены, поскольку в них сразу увидели «контрреволюцию». Церковь просто грубо оттолкнули от масштабной помощи голодающим и допустили лишь зимой в крайне узких рамках под давлением других, прежде всего мусульманского, религиозных обществ страны.

В период проведения кампании по изъятию церковных ценностей государством было также проигнорировано предложение московского духовенства о залоге церковного имущества в целях получения 100 млн пудов хлеба за границей. А само изъятие с обещаниями накормить за его счет голодное Поволжье вообще привело к резкому сокращению продуктовых сборов на голодающих по всей стране.

Третий вариант связан с общественной помощью из-за границы, в частности с работой Американской администрации помощи в России. По отчетности Помгола, к началу августа 1922 года из 23 млн голодных только 14 млн человек находились на общественном питании, из них американцы кормили около 10,5 млн человек, в том числе более 4 миллионов детей. Но ведь организация American Relief Administration (АРА) могла бы кормить на 5 миллионов людей больше и начать раньше. Уже в марте 1922 года она планировала кормить 7 млн человек, но кормила 2 млн нуждающихся, а это, напомним, самый страшный месяц по смертности. Причина проста — плохое состояние железных дорог, из-за которого уже доставленные запасы продовольствия долгое время ждали погрузки

в русских портах. Это значит, что своевременная реакция правительства на общественные и церковные инициативы 1921 года позволила бы раньше получить зарубежную помощь и более равномерно распределить нагрузку на плохо работающие транспортные сети. Таким образом, более пяти миллионов голодающих погибли из-за идеологических предрассудков большевистской власти, приоритетности задач финансового «фронта» по отношению к спасению голодных людей и бюрократических просчетов в организации борьбы с голодом.

— *Почему в Петрограде власти пошли на силовой вариант подавления недовольства изъятием верующих, несмотря на то что митрополит Вениамин готов был, заручившись согласием Патриарха, отдать даже часть священных сосудов?*

— Ответ на этот вопрос интересует многих историков, а содержится он в отчетном докладе уполномоченного по г. Петрограду и Северо-Западной области Г. М. Приворотского Л. Д. Троцкому от 7 марта 1922 года. Его позиция недоверия церковной иерархии отличалась от взглядов членов местной комиссии Помгол, склонившихся было к соглашению с митрополитом Вениамином на взаимоприемлемых условиях. При добровольном пожертвовании церковного имущества, сообщал Приворотский Троцкому, мы недополучим не менее половины ценностей, которые останутся в церквях под предлогом их необходимости для богослужения, а духовенство укрепит свой авторитет, проводя все решения через собрания верующих. Надеяться на отдельные договоренности с ним не стоит, так как, со слов митрополита, пожертвование сосудов может быть только с разрешения высшей церковной власти. Несмотря на уступки со стороны митрополита, подчеркивал Приворотский, соглашение с ним будет стоить нам слишком дорого, а значит, нужно придерживаться декрета ВЦИК об изъятии ценностей. Десятого марта представителей митрополита Вениамина вызвали на заседание Комиссии по изъятию церковных ценностей, где им объявили об отмене прежних договоренностей с Помголом, а Приворотский в этот же день сообщил Троцкому о якобы достигнутом соглашении с духовенством об одновременном изъятии и пожертвовании ценностей. В свою

очередь Троцкий 12 марта познакомил с этой телеграммой членов Политбюро и предложил в качестве политической стратегии кампании по изъятию церковного имущества избрать раскол среди духовенства.

Очевидно, тогда же в Петроград была отправлена телеграмма Троцкого № 159, ее дата и содержание неизвестны, но ответ на нее со стороны Приворотского 16 марта уже включал в себя утверждение, что изъятие можно произвести только с помощью вооруженной силы. Дело в том, что результаты встречи, состоявшейся 10 марта, вызвали негативную реакцию митрополита Вениамина, и 14 марта его новое обращение было доставлено в комиссию Помгол. Текст обращения, содержащий оценку предстоящего изъятия церковных ценностей

*Разбор
награбленных
церковных
ценностей
в Гохране. Фото
начала 1920-х гг.*

без архиерейского согласия как кощунственно-святотатственный акт, вызвал негодование комиссии и обещание расправы со всеми, в том числе с митрополитом. Отказ Смольного заменить изъятие на пожертвование ценностей лишний раз подтвердил правоту Патриарха Тихона в защите святынь и адекватность указанных им при этом ссылок на каноны Церкви.

— Почему пленум большевиков проигнорировал просьбу ВЦИК амнистировать митрополита Вениамина и его помощников?

— Материалов по мотивировке этого решения пленумом у нас нет. На заседании Президиума ВЦИК от 31 июля 1922 года главным докладчиком был известный ученый Д. Б. Рязанов, предложивший амнистию для всех. Он заявил, что приговор является насилием над логикой и здравым смыслом, что осужденных подвели под расстрельную статью, потому что получена директива сверху, для исполнения которой подменили состав преступления. Поддержал ходатайство и народный комиссар юстиции Д. И. Курский, позиция которого отразилась в рукописной записи Троцкого: «Юридическая основа плоха. Тихона не можем расстрелять». Второго августа пленум отклонил секретное ходатайство Малого Президиума ВЦИК о пересмотре смертоносной директивы ЦК, что, видимо, уже подразумевало возможность применения высшей меры наказания и к Патриарху Тихону. Можно обоснованно предположить, что расстрельные аргументы участников пленума совпадали с аргумента-

ми членов Политбюро ЦК РКП(б), заседавших 13 июля. Их решение в свою очередь учитывало заключение подкомиссии Троцкого от 12 июля, которая и определила на смерть четырех из десяти приговоренных к расстрелу, а именно митрополита Вениамина (Казанского), архимандрита Сергия (Шейна), мирян Юрия Петровича Новицкого и Ивана Михайловича Ковшарова как руководителей «контрреволюционной» политики под церковным флагом. За набором фраз о политической конъюнктуре и необходимости совершенного устранения выдающихся христиан Петрограда скрывался уже знакомый по московскому процессу курс богоборцев на усиление церковного раскола — в силу политической необходимости максимально пойти навстречу ходатайству лояльным властям духовенства.

— Как сегодня можно оценить эту кампанию с исторической точки зрения?

— Эта было последнее масштабное выступление православного народа против законов безбожной, никем не выбранной власти насильников. Воля народа была проигнорирована, Церковь ограблена, оболгана и объявлена вне закона. Но отправить ее в архив истории богоборцам не удалось, по милости Божией она выстояла и принесла небесный плод — великий сонм новомучеников и исповедников, молитвами которых и ныне продолжает свое служение на Русской земле.

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА